

Дубровский

Дубровский Владимир Андреевич — главный герой незавершенного романа «Дубровский» А.С. Пушкина, «благородный разбойник».

У Дубровского, что в художественной системе Пушкина редкость, есть реальные прототипы. В 1832 году в Козловском уездном суде слушалось дело «О неправильном владении поручиком Иваном Яковлевым сыном Муратовым именем, принадлежащим гвардии подполковнику Семену Петрову сыну Крюкову <...> сельце Новопанском». Писарская копия этого дела (с заменой Муратова на Дубровского, Крюкова на Троекурова) включена в текст второй главы. Видимо, использовано и псковское предание о бунте крестьян помещика Дубровского (1737); и рассказ П.В. Нащокина о судьбе белорусского помещика Островского, оставшегося без земли и подавшегося в грабители; в планах и черновиках герой именуется то Островским, то Зубровским.

Роман (а значит, и его герой) в равной мере ориентирован на российскую действительность и на литературную традицию. Пушкин ищет точку пересечения социальной роли «разбойника поневоле» и «романической» роли благородного разбойника. (Он прямо отсылает читателя к поэме А. Мицкевича «Конрад Валленрод» и «массовому» роману Х.А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, предводитель разбойников» — русский перевод 1802–1803; рассчитывает на параллель с Карлом Моором Шиллера; но также имеет в виду оппозицию джентльмен-разбойник, восходящую к роману Бульвер-Литтона «Пэлем, или Приключения джентльмена», «разбойничью» тему романов В. Скотта «Роб Рой» и Ш. Нодье «Сбогар»; все это осложнено социальным анализом в духе новейших романов Ж. Санд и О. де Бальзака.) В этой точке и сфокусирован образ Владимира Дубровского — одновременно и очень условный, и очень реальный.

«Предыстория» героя вполне литературна; набор биографических подробностей типичен. С восьми лет Дубровского воспитывается в петербургском кадетском корпусе; как молодой офицер из бедной семьи, он кутит, играет в карты, влезает в долги — и мечтает о богатой невесте. Получив известие о болезни отца, Андрея Гавриловича, а главное — о незаконном отнятии единственного имения Кистеневки в пользу богатого соседа-самодура Кирилы Троекурова, Дубровского отправляется домой. Проезжая мимо имения Троекурова, он с нежностью вспоминает о детской дружбе с дочерью «злодея», Марьей Кириловной; дома застаёт отца при смерти.

Ситуации, в которых отныне предстоит действовать Дубровскому, также романически-традиционны.

Сначала, даже не выйдя на порог (что важно; это впоследствии позволит ему остаться неузнанным), Дубровского разрывает отношения с Троекуровым, приехавшим мириться. Затем, после похорон, приказывает поджечь дом, по суду отошедший врагу, — и вместе с крестьянами подается в родную кистеневскую рощу, чтобы грабить неправедных помещиков. (Само название имения Дубровского, намекающее на разбойничий кистень, как бы заранее предполагает такой поворот событий.) Отныне он словно перестает быть реальным человеком, мелкопоместным дворянином и превращается в персонажа легенды о Роб Рое. Он полностью обособляется от своего настоящего лица. Поэтому помещицу Анну Савишну Глобову, которая рассказывает гостям Троекурова о Дубровском, явившемся к ней под видом генерала и разоблачившем вора-приказчика, ничуть не смущает, что ее гость был черноволос, как герой Отечественной войны генерал Кульнев, и на вид имел 35 лет, тогда как «настоящий» Дубровский светловолос и юн — ему 23 года. (О чем тут же сообщает исправник, зачитывающий приметы Дубровского,

в которых почти полностью повторены приметы Лжедмитрия из драмы «Борис Годунов».)

К этому моменту читатель уже должен догадаться, что Дубровский сидит среди гостей, — ибо он пробрался в дом Троекурова под видом учителя-француза Дефоржа, выписанного для маленького Саши, сводного брата Марьи Кириловны. «Дефорж», только что прибывший в дом Троекурова, проявляет героическое хладнокровие в сцене травли медведем и «влюбляет» в себя Машу. Естественно, использованы все сюжетные возможности такого положения. В комнате «Дефоржа» ночует помещик Спицын, чье лже-свидетельство как раз и позволило Троекурову обобрать Дубровских; мнимый учитель не может удержаться от мести — и грабит Спицына, из-за чего спустя несколько дней вынужден бежать. Конечно же перед исчезновением «Дефорж»-Дубровский объясняется с Марьей Кириловной — и тут читатель узнает подробность, которая полностью переворачивает ситуацию, наполняет узнаваемые «ходы» авантюрного романа новым смыслом. Читатель должен был предполагать, что разбойник Дубровский пробрался в дом Троекурова, чтобы убить виновника всех своих несчастий — и лишь внезапная любовь к Маше остановила его. Но нет; оказывается, он купил документы у «настоящего» Дефоржа (между прочим, за 10 000 ассигнациями) только ради того, чтобы оказаться рядом с Марьей Кириловной; ради нее он давно простил своего погубителя; его мечта о семейственном счастье (которая пробуждается в сердце героя при чтении писем покойной матери к только что похороненному отцу) куда сильнее, чем жажда мести.

Благородный разбойник превращается в несчастного любовника; несчастного при любом исходе событий — брак с лесным атаманом не сулит возлюбленной ничего, кроме тревоги, испытаний и — в каком-то смысле — позора. Его счастье равносильно ее несчастью, и наоборот, а счастья друг без друга они не мыслят. Потому-то, когда Марья Кириловна, сосватанная за старого утонченно-сластолюбивого князя Верейского просит ее похитить, Дубровский — чья мечта исполняется! — закрывает глаза руками и, кажется, задыхается от невидимых слез ужаса. И при этом — в его сердце все равно «нет места ненависти»; по самоощущению он не атаман, не народный мститель, он — дворянин, он — человек. Зато социальная жизнь, обрекающая его, — бесчеловечна.

В том-то и состоит истинная трагедия Дубровского, в том-то и заключена истинная вина Троекурова, что честный русский дворянин, романически привязанный к отцу, к дому, к мысли о семье, поставлен в положение, из которого вообще нет выхода. (Кистеневская роща — это уход, а не выход.) Беспросветная нищета равнозначна социальному самоубийству; подчинение троекуровскому самодурству равнозначно потере дворянского (оно же человеческое) достоинства; бунт, во-первых, лишает надежды на счастье, во-вторых, не может быть до конца благородным. Первый же приказ Дубровского-атамана — поджечь дом, но открыть переднюю, чтобы успели спастись приказные чиновники, — не выполнен; Архип-кузнец втайне от барина запирает их, «окоянных». Не по личной, душевной злобе (он тут же лезет, рискуя собой, спасать из огня кошку); просто в нем просыпается страшный инстинкт бунтовщика, над которым уже не властна воля атамана. Но если бы не атаман — не было бы и бунта, пробуждающего этот ужасный инстинкт.

Недаром в финальной сцене, когда Маша уже безнадежно потеряна для Дубровского (разбойники опоздали, она обвенчана с Верейским и будет ему верна), а первая атака правительственных войск отбита, раненый Дубровский распускает своих кистеневцев. И хотя на прощание он говорит им: «вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло», — тем не менее после его ухода из банды грабежи прекращаются, дороги становятся свободными для проезда.

Что же до самого атамана, то первоначально Пушкин собирался отправить его в Петербург, где Дубровского ждало разоблачение. Без вины виноватый; благородный разбойник, способствующий жестокому бунту; жертва насилия, становящаяся его орудием; дворянин, покинувший общество ради сохранения внутренней свободы и ставший

заложником собственной социальной роли. Социальная мысль Пушкина — автора «Дубровского» пессимистична; последняя фраза в рукописи романа читается так: «Дубровский скрылся за границу». Отъезд героя за границу — не только знак его личного поражения, но и знак поражения всей России. Дубровский, как трагическое следствие, вытеснен за ее пределы; причины полностью сохранены.

Проекция образа Дубровского на другую сословно-культурную почву очевидна в образе разбойника Пугачева в «Капитанской дочке». Гоголь (очевидно, знакомый с сюжетом неопубликованного романа) при создании «Мертвых душ» полупародийно повторил черты Дубровского в «Повести о капитане Копейкине», безногом офицере-дворянине, герое Отечественной войны (ср. сравнение Дубровского с Кульневым в рассказе Глобовой), от безнадежности положения подавшемся в разбойничью шайку.

Образ благородного разбойника-джентльмена Пушкин попытается развить в незавершенном романе 1834–1835 «Русский Пелам» (Пельмов, Ф. Орлов).